

Что нормы разсудочные не успокаивали и не давали сердцу отдыха въ постигнутой истинѣ, видно изъ того, что старый писатель до конца жизни думаетъ и ищетъ отдыха, спокойствія, точки жизни абсолютно утвержденной въ духѣ. Здѣсь сказывается все та же боязнь пережитыхъ метаній, тоски, беспокойства, кошмара душевнаго. Въ своихъ письмахъ писатель описываетъ одинъ изъ приступовъ такой тоски:

«Третьяго дня въ ночь вдругъ на меня напала тоска, страхъ, ужасъ такие, какихъ я никогда не испытывалъ. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать».

И въ другомъ мѣстѣ: «Каждый день въ шесть часовъ вечера начинается тоска, какъ лихорадка, тоска физическая, опущеніе, котораго я не могу лучше передать, какъ то, что душа съ тѣломъ разстается». Тоска эта все умерщвляла въ душѣ и въ жизни. «На все смотрю какъ мертвый».

И каждый разъ, когда слабѣло ощущеніе міровыхъ мистическихъ цѣлей и жизнь разстилалась передъ мысленнымъ взоромъ въ предѣлахъ человѣческихъ достиженій и желаній, все тускнѣло внутри писателя, тоска подымалась такая, точно «душа съ тѣломъ разставалась», и живой интересъ къ миру исчезалъ,—на все «смотрю какъ мертвый».

Но выводя отсюда разумомъ добытые, ло-